

УДК 172.1

СМАРТ-ТЕХНОЛОГИИ КАК ЗНАК ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ И ОБЩЕКУЛЬТУРНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

М. В. Куликов

ФКОУ ВО «Кузбасский институт

Федеральной службы исполнения наказаний»,

*доцент кафедры гуманитарных, социально-экономических
и естественнонаучных дисциплин, кандидат философских наук*

Современная система образования находится в состоянии преобразований, в значительной степени не отрефлексированных его субъектами. Несмотря на загруженность участников образовательного процесса постоянными процессуальными действиями в части разработки и переработки методического обеспечения, научного обоснования этих изменений, практики принудительного применения разного рода активных, интерактивных, смарт-, диджитал- и иных технологий, подлинного осмысления данный процесс у непосредственных участников не находит в силу его непрекращающегося характера, что накладывается на пост-структуралистское ощущение невозможности его концептуализации, принятия «игрового», шизоаналитического, ризоматичного, номадического характера данного процесса. Все вместе это порождает общее ощущение апатии у преподавательского сообщества, особенно у ее гуманитарной части (за исключением специалистов в области педагогики), и снижение ценности образования и знаний в целом у молодого поколения. Но является ли подобный скепсис оправданным? Насколько проблемной является ситуация неопределенности в образовательном процессе? Насколько важны глубина и целостность формируемых знаний? Попробуем рассмотреть этот вопрос со стороны осмысления таких образовательных технологий, как смарт-технологии.

Что представляют из себя смарт-технологии? Какого-то однозначного, определенного перечня такого рода технологий нет, по этой причине к ним можно отнести информационно-коммуникационные технологии, цифровые технологии, конвергентные технологии, «Интернет вещей» (Internet of Things) и другие [1, с. 32]. Единого определения смарт-технологий нет, а значит, и нет какой-либо их единой классификации или стандарта. Так, например, представители точных и естественнонаучных дисциплин, скорее, выступают сторонниками применения такого рода технологий, что облегчает им работу с большими массивами информации, обработку и хранение данных. В то же время со стороны гуманитарной науки традиционно (еще от М. Хайдеггера и В. Беньямина)

слышны голоса о дегуманизирующем, обесмысливающем воздействии такого рода технологий. Кроме того, есть мнение, что смарт-технологии и так называемые МООС (Massive Open Online Course) бросают вызов всей системе высшего образования и культуре академичности в целом — все это требует от нас осмыслить, может ли быть дегуманизирующей и обесмысливающей технология *smart*, то есть умная технология?

Из самого их названия следует, что смарт-технологии являются орудиями труда, техникой, то есть продолжением человеческих способностей. От количества выполняемых технологией функций напрямую зависит ее ценность, то есть технология лишена какого-либо надутилитарного значения, она сугубо инструментальна. Пределом развития технологии должно стать такое состояние, на котором они полностью смогли бы заменить человека в процессе трудовой деятельности и, более того, не сам человек, а технология могла бы определить (на основе анализа наших запросов, поисков, и т. д.). Но не означало бы это утрату человеком свободы воли? Есть ли предел, на котором замена человека технологиями становится условием утраты, а не приобретения? Стоит ли технологическое вмешательство вплоть до замены человека в те области, которые представляются не отделимыми от человеческой сущности (или от его экзистенции, если мы вслед за экзистенциалистами отрицаем у человека какую-либо сущность) и придают смысл его существованию, например, познание, творчество?

Обратимся к этимологии слова *smart*, что в переводе с английского на русский язык означает «умный». В английском языке слово «умный» выражается не только через это слово, но и через такие термины, как *intelligent* (*intelligence*) и *clever* (*cleverness*). Возникает вопрос о выборе именно этого слова для обозначения технологий. Оксфордский словарь английского языка определяет слово *smart* как имеющее такие значения, как «чистый, аккуратный, хорошо одетый», «яркий, свежий на вид», «наличие или проявление сообразительного интеллекта», «проявление наглости посредством умных или саркастических замечаний», «запрограммирован так, чтобы быть способным к некоторым независимым действиям», «быстрый, юркий» [2]. Из этих значений следует, что данное слово не содержит в себе «умное» как таковое, речь идет о наличии и проявлении сообразительности, находчивости, саркастичности.

Понятие *clever* в вышеуказанном словаре имеет такие значения, как «быстро понять, изучить, разработать или применить идеи; умный», «умение делать или достигать чего-то; талантливый», «проявление мастерства и оригинальности; изобретательный», «разумный; рекомендуемый», «здорово или хорошо» [2]. Термин *intelligent* обладает такими значениями, как «наличие или проявление интеллекта, особенно высокого уровня», «возможность изменять свое состояние или действие в зависимости от меняющейся ситуации и прошлого опыта»

(для приборов и зданий), «включающий микропроцессор и имеющий собственные возможности обработки» (для компьютерного терминала) [2]. Как кажется, именно это слово в большей степени подходит для того, что вкладывается в понятие смарт-технологии и с позиции наличия отношения к технологиям, и с содержательной позиции как обладающей способностью делать глубокие выводы, способность к рациональному мышлению, глубокому анализу. Смарт делает акцент не на глубине, а на скорости, не на постижении сущности, а на саркастичности, ловкости и находчивости в обнаружении связей, смыслов, значений. Кроме того, смарт акцентирует внимание на внешней красоте, что так эффектно соотносится с технологическим дизайном: эстетичностью, эргономичностью, удобством использования. То есть, когда мы говорим о смарт-технологиях, мы имеем дело с умными технологиями, но не в том значении ума, которое связывается с критичностью, рефлексивностью, глубиной, в том значении, например, в котором он используется в названии пьесы «Горе от ума». Умные технологии, скорее, отсылают нас к концепции ума фрагментированного, неупорядоченного, быстро переключающегося между фрагментами информации — ума, получившего в литературе определение «клипового мышления». Такого рода мышление имеет свои положительные и отрицательные черты, например, у субъекта такого рода мышления слабо развита способность обнаруживать и выстраивать логические связи в явлениях, но в то же время формируется защитная реакция мозга на «ненужную» информацию, субъект «клипового мышления» оказывается неспособен решить комплексную задачу из-за несформированности навыков целостного восприятия явлений и возникающих трудностей с разделением сложной задачи на подзадачи, не развиваются общенаучные методы анализа и синтеза, но в то же время повышается способность быстро переключаться с одной информации на другую, человек научается быстрее переключаться в обычных жизненных ситуациях, тем самым формирует навык лучше организовывать свое время и силы, в меньшей степени развивается критичность мышления, но в то же время успешнее формируется конкретное, а не абстрактное, так называемое практико-ориентированное мышление, мышление «здесь и сейчас».

В Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» дано следующее определение понятия: «Обучение — целенаправленный процесс организации деятельности обучающихся по овладению знаниями, умениями, навыками и компетенцией, приобретению опыта деятельности, развитию способностей, приобретению опыта применения знаний в повседневной жизни и формированию у обучающихся мотивации получения образования в течение всей жизни» [3]. В соответствии с таким определением смарт-технологии вполне соответствуют данному процессу, и более того, такого рода технологии не только помогают обучающимся в применении знаний в повседневной жизни, но и само

применение в повседневной жизни теперь становится залогом успешного обучения, так как знакомство со множеством подобного рода технологий (смартфоном, ноутбуком, планшетом) начинается еще в детском возрасте до целенаправленного процесса обучения и делает процесс обучения интересным, увлекательным, приятным. Критики подобного подхода к образованию указывают на его поверхностность, на формирование в лучшем случае неких навыков, но не подлинного знания как раскрытия сущности, «эйдоса», идеи познаваемого. Критики акцентируют на разрозненность, клиповость сформированного знания: «Инновационные стратегии российского образования, декларационно оставаясь гуманизирующими, направленными на формирование личности, продолжают определяться преимущественно краткосрочными маркетинговыми решениями, в числе которых — ускоренный переход “на цифру”. Система образования всячески нивелирует “человеческий фактор” ради операционно-нормативных приоритетов. Наряду с этим на второй план парадоксально уходит концептуальный базис онтологических презумпций самого человека как феномена антропо- и социогенеза и, следовательно, аксиологических категорий его становления в этом качестве — то есть всех гуманистических оснований образовательного процесса, сформированного обществом на сегодняшний день и формирующих, в свою очередь, антропологический вектор культуры, морали и гнозиса» [4, с. 382].

Однако насколько справедливы эти упреки? Образование не представляет собой самоцель, оно выполняет функцию социализации личности, адаптации к изменяющимся условиям членов общества. От эффективности реализации этого социального заказа зависит развитие всех сфер общественной жизни. Но этот заказ, оставаясь единым по сути, меняется в своих формах. Современное общество — это общество высоких скоростей, общество «слабых связей» (М. Грановеттер), «текущая современность» (З. Бауман), общество неопределенности, «мировая деревня» (М. Маклюэн) и т. п. В таком обществе глубина, фундаментальность, скорее, выступают тормозом, архаикой, бременем для субъекта. Значительное время и силы занимает переучивание, то есть избавление от уже сформированных знаний и формирование новых. Гораздо проще и эффективнее не тратить усилия на сократовское «познание самого себя», а воспринимать субъекта образования как локковскую *tabula rasa*, на которую мы могли бы наносить благодаря смарт-технологиям и игровым формам обучения операциональные, легковоспринимаемые знания. Более того, стоит признать, что принятие или отрицание такого рода технологий является поколенческой или мировоззренческой позицией. С середины XXI века на историческую арену выходит поколение Z, которое уже не жило в мире без смарт-технологий. Преподавателями же являются представители поколений X и Y, у которых формирование личности и жизненная траектория не были столь завязаны на смарт-технологиях. От субъекта

поколения X и Y требовалась некоторая (иногда весьма значительная) степень критичности мышления, активности, способности искать ответы через самостоятельные действия и т. д. Глубина осмысления и время, требуемое на это, противостоят спонтанности личности, сверхвозбудимости, сверхвпечатлительности, суетливости и гиперактивности представителей этого поколения, их готовности к быстрому обучению, обработке информации, оперативному переключению с одного вида деятельности на другой, работе в группе, работе в условиях многозадачности. Это формирует так называемую клиповость мышления как способность восприятия информации через короткие запоминающиеся образы и послания, что также может быть рассмотрено положительно.

Кроме того, смарт-технологии хорошо ложатся на современную парадигму субъект-субъектного обучения, обратного отношения обучающегося и преподавателя. В условиях необходимости использования смарт-технологий дети оказываются в положении того, кто способен обучить педагога их использованию: «Старшее поколение и молодежь в современном обществе часто меняются ролями: если традиционно молодежь училась у старших, то сегодня более зрелым людям бывает сложно ориентироваться в новых технологиях, разбираться в новых трендах без помощи своих детей. И это — один из факторов стирания границ между поколениями».

Люди ценят то, чего им недостает, поэтому для представителей поколения Z, находящихся в сфере спорадических фрагментарных связей, редкими и оттого значимыми становятся дружба, общение с близкими. То есть развивается эмоциональная сфера личности, которая также не требует сложности и глубины. Изменяется и отношение к ценности образования, которое воспринимается теперь инструментально. Процесс получения знаний, умений и навыков, воспитания, формирования высоких идеалов «разумного, доброго, вечного», а все более начинает напоминать некий квест — сдача зачетов и экзаменов как преодоление обучающимся разного рода препятствий, загадок, итогом которого будет «приз» в виде выданного диплома. Сам процесс образования сводится лишь к своему результату. Профессия при этом уже не рассматривается обучающимся как «любимое дело», а оценивается как ресурс для успешной жизни, как инструмент, открывающий перед нами высокодоходные социально-экономические ниши.

Можно предположить, что формирование глубокого, рефлексивного ума, который является несколько медленным в силу своей природы вынужденным обращаться к своему основанию, охватывать в своем решении множество связей. Но, видимо, подобная глубина сегодня выступает непозволительной роскошью, более ценными являются скорость и операциональность, правильность, понимаемая как алгоритмичность, следование заранее заданным правилам. Крупнейший

социолог постмодернистского общества З. Бауман писал: «Заминки, непоследовательность, неожиданности — обычные явления в нашей жизни. Они даже стали по-настоящему необходимы для многих людей, чей ум больше не может питаться... ничем, кроме стремительных изменений и постоянно обновляющихся стимулов... Мы больше не можем сносить ничего длящегося» [5, с. 122]. Новое время предъявляет к нам новые требования, и образовательная система должна реагировать на них правильным образом, «скорость движения сегодня стала более важным, возможно главным, фактором социальной стратификации и иерархии доминирования» [5, с. 131]. И в такой оптике смарт-технологии необходимы и правильны для формирования легкого, свободного, лабильного субъекта современности, той современности, которая предлагает нам столько возможностей, что невозможным становится остановиться на какой-либо из них, а значит, требует от субъекта современности игрового отношения к жизни, истории, потреблению, образованию и т. д.

Раздаются голоса об обесценивании культурной функции образования. Действительно, значение имеет не столько формирование у обучающегося разного рода «компетенций», «знаний-умений-навыков» или каких угодно иных показателей, сколько осмысление им общекультурного опыта, включение этих общих ценностных в собственную жизнь, связь самого себя с материальной и духовной культурой и отражение этой связи, то есть очеловечивание. Но что, если весь культурный опыт и все трансформации культуры приводят к изменению общечеловеческих ценностей в направлении утверждения легкости, лабильности, независимости и бесосновности? Вполне возможно, изменения в сфере образования, в том числе в плане применения умных технологий, показывают нам, что мы стоим на пороге глобальных преобразований, которые изменят наши представления о мире и самих себе.

1. Ардашкин И. Б. Смарт-общество как этап развития новых технологий для общества или как новый этап социального развития (прогресса): к постановке проблемы // Вестн. Томск. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2017. № 38. С. 32–45. [Вернуться к статье](#)

2. The Oxford English Dictionary, 2022. URL: <https://www.lexico.com/en> (date of access: 20.03.2022). [Вернуться к статье](#)

3. Об образовании в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон, 29 дек. 2012 г. № 273-ФЗ : с изм. и доп. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

4. Королева Л. Г., Сухоруких А. В. «Цифровизация» или гуманизация образования: актуальность аксиологической альтернативы // Научные ведомости. Сер. Философия. Социология. Право. 2019. Т. 44, № 3. С. 375–385. [Вернуться к статье](#)

5. Бауман З. Текущая современность. СПб. Питер, 2008. 240 с. [Вернуться к статье](#)